

Культурно-исторические исследования

УДК 930(38)

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-4-10-29

Зарождение древнегреческой исторической мысли и архаическая ионийская наука

Игорь Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; isurikov@mail.ru*

Аннотация. Древнегреческая историческая мысль возникла в VI в. до н. э. в Ионии. Это был период, когда в мировоззрении эллинов противоборствовали рационалистическая и мистическая тенденции. Ранние историки подверглись влиянию как второй, так и – в особенности – первой, которая породила архаическую ионийскую науку (Фалес, Анаксимандр). Как показано в статье, это влияние естествоиспытателей на представителей историописания проявилось, например, в том, что из трудов последних, начиная с Гекатея, исчезают разделы, посвященные теогонии (таковой еще присутствовал у Акусилай). Серьезный интерес к географии отмечается как у натурфилософов, так и у первых историков. Анаксимандр составил первую в Греции географическую карту, а Гекатей ее усовершенствовал. Историков первых поколений, которые писали после Гекатея, можно разделить на две группы, представленные теми, кто, подобно ему, испытывал специальный интерес не только к истории, но и к географии, и теми, кто такого интереса не испытывал. Ко второй группе относятся, в частности, Ферекид Афинский и Гелланик. Что же касается первой группы, к ней можно причислить Харона Лампсакского и Дамаста Сигейского – эта линия находит завершение в Геродоте, у которого налицо полноценное взаимопроникновение истории и географии.

Ключевые слова: архаическая ионийская наука, рационализм, история, мифография, теогония, география, Акусилай, Гекатей

Для цитирования: Суриков И.Е. Зарождение древнегреческой исторической мысли и архаическая ионийская наука // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 4. С. 10–29. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-4-10-29

© Суриков И.Е., 2021

The emergence of Ancient Greek historical thought and the Archaic Ionian science

Igor E. Surikov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

isurikov@mail.ru

Abstract. Ancient Greek historical thought came into existence in the 6th century B.C. It was the period when two tendencies, the rationalist and mystic ones, struggled with each other in the Hellenic *Weltanschauung* (world view). Early historians were influenced both by the latter and – especially – by the former, which gave birth to the Archaic Ionian science (Thales, Anaximander). The paper shows that the influence of natural scientists upon historiographers manifested itself, for instance, in the fact that from the works of the latter, starting with Hecataeus, lacked parts devoted to theogony disappear (in Acusilaus, such a part was still present). The author also traces the serious interest in geography among both Greek natural philosophers and first historians. Anaximander made the earliest in Greece geographical map and Hecataeus improved it. The historians of the first generations after Hecataeus can be divided into two groups: those who, like Hecataeus, had a special interest not only in history, but also in geography, and those who did not. The second group includes the Athenian Ferekidēs and Gellanik. As for the first group, Charon of Lampsak and Damast of Sigēi can be added to it – this line comes up to Herodotus.

Keywords: Archaic Ionian science, rationalism, history, mythography, theogony, geography, Acusilaus, Hecataeus

For citation: Surikov, I.E. (2021), “The emergence of Ancient Greek historical thought and the Archaic Ionian science”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 10–29, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-4-10-29

Хотя имя Геродота со времен Цицерона постоянно сопровождают эпитетом «отец истории», он не является первым греческим (и европейским) историком. До него на том же поприще трудилась целая когорта более ранних «служителей Клио». Довольно пространный (но не исчерпывающий) их перечень дан Дионисием Галикарнасским (Dion. Hal. De Thuc. 5). Самой значимой фигурой в этой группе является, безусловно, Гекатей Милетский, самой ранней – Акусилай Аргосский, а другие видные ее представители – Ферекид Афинский, Харон Лампсакский, Гелланик Лесбосский, Ксанф Лидийский и др. Таким образом, зарождение античной историографической традиции имело место в VI в. до н. э.

Правда, полностью труды этих авторов не сохранились, но от них дошли многочисленные (например, от Гекатея – около 400, от Гелланика – больше 200 и т. д.) и репрезентативные фрагменты, дающие достаточно полное понятие об особенностях их творчества. Крупнейший в XX в. специалист по древнегреческому историописанию Феликс Якоби дал великолепное, эталонное издание этих текстов¹.

К сожалению, древнейшие историки, хотя они были первоходами в своем жанре, крайне редко привлекают к себе внимание ученых. Единственное специально посвященное им исследование монографического формата, принадлежащее перу Л. Пирсона, увидело свет более восьми десятилетий назад – в 1939 г.² В обобщающих компендиумах по античной греческой исторической мысли (таких как, например, [Momigliano 1990; Lendle 1992; Luce 1997; Pitcher 2009; Scanlon 2015; Matijašić 2018]) интересующим нас писателям, вместе взятым, уделяется, как правило, несколько страниц, как максимум – пара десятков.

Правда, сравнительно недавно важным событием на данном исследовательском поле стал выход фундаментального двухтомника Р. Фаулера «Ранняя греческая мифография» [Fowler 2007; Fowler 2013], в котором анализируются как раз тексты древнейших историков. Однако для Фаулера Гекатей, Гелланик, Харон и иже с ними не являются «истинными историками». Они для него «всего лишь» мифографы и потому рассматриваются им исключительно как мифографы, а не как историки. Пожалуй, данное утверждение будет соответствовать истине применительно к большинству из них. Хотя без оговорок не обойтись. Так, у Гекатея были серьезные географические интересы и он составил одну из первых в Греции периегез³; Гелланик, начав научную деятельность как мифограф, затем обратился к хорографии⁴, а на последнем этапе своей девятидесятилетней жизни активно занимался проблемами хронологии.

¹ Этот том неоднократно переиздавался, с addenda и corrigenda. Ссылаемся на последнее по времени, посмертное издание [Jacoby 1995].

² Поскольку это первое издание сейчас труднодоступно, ссылаемся на репринтное переиздание [Pearson 1975].

³ О жанре периегезы в Греции см. [Суриков 2020а].

⁴ Хорография – отрасль античной исторической науки, занимавшаяся историей различных стран и областей, а также населяющих их народов. В хорографических сочинениях акцент делался не столько на событийной стороне исторического процесса, сколько на образе жизни этих народов – их быте, нравах, обычаях.

Но в целом, повторим, для большинства историков первых поколений абсолютно приоритетной была проблематика, связанная с мифами. Однако из этого никоим образом не вытекает, что данных авторов нельзя считать полноценными представителями античной исторической мысли. Их трактаты имеют вполне научный характер (в духе ранней ионийской науки), и, конечно, не следует забывать, что сюжеты, нами ныне воспринимающиеся как мифологические, в восприятии самих греков были вполне историческими⁵, то есть адекватно отражающими их собственное древнейшее прошлое. Генеалогическая мифография (востребованная по понятным причинам в первую очередь в аристократической среде) выполняла важную социальную функцию – связывала это прошлое с настоящим, и в этом смысле к ней вполне применимо предложенное Х.-Й. Герке понятие «интенциональная история» [Gehrke 2014, SS. 9–64].

Впрочем, как бы то ни было, один интерес к генеалогиям не породил бы главных достоинств трудов древнейших представителей историографии: присущего им исследовательского духа, а также живой занимательности изложения, присущей если не всем им (Гекатею, может быть, в меньшей степени, чем остальным), то, во всяком случае, многим. Следует подумать о других источниках, из которых ими могли быть почерпнуты эти качества.

Давно уже А.И. Доватур в своем классическом труде «Повествовательный и научный стиль Геродота» [Доватур 1957] совершенно справедливо указал, что «отец истории» опирался, с одной стороны, на ионийскую науку, с другой – на ионийский же фольклор (имея в виду прежде всего новеллистический фольклор). Данное наблюдение следует в полной мере отнести и к предшественникам Геродота. Фольклорные элементы древнейшего греческого исторического повествования – в перспективе тема для отдельного исследования⁶; а в данной статье мы коснемся его научных истоков.

Архаической ионийской наукой является то, что обычно принято называть архаической ионийской философией, – традиция, восходящая к Фалесу. Ни сам Фалес, ни его ближайшие преемники (Анаксимандр и др.), кстати, философами себя не называли. Равно как не называли их так и другие. Если уж требовалось их как-то обозначать, то употребляли лексему «физики» (φυσικοί), поскольку они занимались природой (в самом широком значении

---

⁵Что отмечалось многократно, ср. хотя бы [Nilsson 1951, p. 12; Starr 1962, p. 68; Видаль-Накэ 2001, с. 228; Fowler 2013, p. XII].

⁶Некоторые аспекты этой проблематики мы рассматриваем на примере одного из ранних историков – Ферекида Афинского, см. [Суриков 2019].

мироздания, космоса) и труды свои, как правило, озаглавливали «О природе» (Περὶ φύσεως). Это «физики» с легкой руки немецких антиковедов XIX в. стало устойчиво передаваться на современные языки искусственным, античности не свойственным (притом «гибридным», греко-латинским) термином «натурфилософы». Однако, если говорить об исходной лексеме φυσική, «натура»-то в ней есть, а вот «философов» не просматривается. Скорее уж возникает ассоциация с современными физиками – отнюдь не философами, а учеными. Ассоциация эта, конечно, некорректна. Но, подчеркнем, в любом случае слов «философ» и «философия» в пору Фалеса и Анаксимандра не существовало. По довольно согласному свидетельству источников, приоритет во введении этих терминов принадлежит Пифагору.

Являлся ли поэтому Пифагор первым философом? С точки зрения традиционных представлений о развитии эллинской философской мысли – никоим образом. Эту роль отводят либо Фалесу, либо Анаксимандру. Но если Пифагор – автор термина «философия», то, может быть, все-таки допустимо из этого сделать вывод, что он являлся и первым представителем мировой философии? Повторим: если отталкиваться от общепринятой точки зрения – то, конечно, нет. Но возможен и иной ход мысли. Ему следует, например, один из крупнейших современных отечественных специалистов по древнегреческой философии Ю.А. Шичалин.

Так, он высказывает следующее соображение: «Покамест определенная культура не знает того или иного понятия, не фиксирует это понятие с помощью определенного термина, пока она тем самым не осознает, не мыслит его как известную ей духовную реальность, он в известном смысле и не существует» [Шичалин 2000, с. 36].

Далее Ю.А. Шичалин подчеркивает, что говорить о философии в полном смысле слова можно лишь начиная с того времени, когда появляются философские школы. А первой из таковых была именно школа Пифагора. Правда, более ранних философов (Фалеса, Анаксимандра и нескольких других) объединяют иногда в «милетскую школу», но это понятие является вполне условным и искусственным. А вот у пифагорейцев действительно устанавливается правильная преемственность учения – от учителя к ученикам и далее. Стало быть, и с этой стороны Пифагор – подлинный основоположник философии.

Но кем же тогда были пресловутые Фалес, Анаксимандр и иже с ними, если не философами, как принято считать? Ю.А. Шичалин полагает, что их точнее было бы называть *учеными*, естествоиспытателями. Они ведь действительно занимались проблемами природы, физического мира, размышляли о законах, управляющих этим миром.

Как известно, в греческой мысли VI в. до н. э. существовали две традиции, рационалистическая и мистическая (подробнее см. [Суриков 2012, с. 157–164]). Среди предтеч ранних ионийских мыслителей (как бы их ни именовать – философами или учеными), разумеется, были мудрецы, представлявшие собой рационально-эмпирический тип мышления. Таким людям, как Фалес, Солон и им подобные, любая мистика была абсолютно чужда. Все, что о них известно (а в случае, если они сами что-либо писали, – все, что от них дошло), однозначно свидетельствует: они – как бы некое воплощение здравости и трезвомыслия.

Но точно так же среди предтеч первых философов были и чудотворцы-мистики. Удивляться не приходится: в Элладе той эпохи, о которой сейчас идет речь, все как бы «двоится» и выступает в самой причудливой смеси противоположных принципов. В это уникальное время, повторим, одновременно разворачивались два совершенно не похожих друг на друга процесса: и интеллектуальная революция, породившая философию и науку, и резкий всплеск мистицизма.

Для предыдущего этапа развития древнегреческого сознания, отразившегося в эпосе Гомера, особенно в «Илиаде», характерна в корне иная картина: практически полное отсутствие мистики в какой бы то ни было форме. Мало в мировой литературе книг менее мистических, чем та же «Илиада». Да, действие поэмы – некое грандиозное полотно, в котором участвуют и боги. Однако небожители и их жизнь изображены вообще без всякого оттенка туманной таинственности.

В период архаики все меняется. Не исключено, что поразительное нарастание мистических настроений (его не уставал подчеркивать в своей известнейшей книге «Греки и иррациональное» выдающийся английский исследователь Э.Р. Доддс [Dodds 1951]) было как-то связано с бурным темпом перемен во всех областях жизни. «Эпохи, столь наполненные событиями и изменениями, принято считать интересными и значительными, но это же эпохи несчастные и страдальческие для отдельных людей, для целых поколений», – писал философ Бердяев [Бердяев 1991, с. 9]. Внезапный, крутой слом всего устоявшегося, привычного порядка выбивает из колеи, лишает уверенности в завтрашнем дне. Неуютно становится жить в таком мире, и мысль находит себе хоть какое-то утешение в чаяниях о мире загробном, о том, что там, может быть, станет лучше. Отсюда – и апелляция к мистике, к иррациональному. Возрастает интерес к посмертному существованию души.

В период архаики в греческой религии возник ряд течений с ярко выраженной мистической направленностью. Для всех них

характерно как раз значительно большее внимание к проблеме жизни после смерти. Правда, широкого распространения мистические течения, о которых идет речь (орфизм, пифагореизм), не получили, оставаясь в основном уделом интеллектуальной элиты. На орфизме даже как бы лежал отпечаток некоторой «скандальности». Так, один из ведущих идеологов этого движения Ономакрит был однажды уличен в том, что подделывал тексты древних изречений оракулов, вносил туда строки собственного сочинения (Herod. VII. 6).

Но настроения мистицизма нарастали в ту самую эпоху, когда имели место и духовные явления совершенно иного толка: насаждение дельфийским жречеством этических идей умеренности, введение письменных законов во многих полисах. Перед нами очередной парадокс культурной истории Древней Греции. В архаический период, когда возникли мистические, иррациональные учения, впервые родилось и самое яркое проявление античного рационализма – философия. И настолько бурным и противоречивым было «духовное кипение» эпохи, что нередко философ-рационалист и вдохновенный мистический пророк совмещались в одном лице (Пифагор, Эмпедокл). В таком-то духовном контексте происходило у греков рождение исторической мысли.

История, естественно, является наукой. Как наука она, конечно, имеет свою специфику, отличаясь, скажем, от той же физики тем, что она принадлежит к кругу не точных и естественных, а гуманитарных дисциплин (или не «номотетических», а «идиографических», как выражался Г. Риккерт). Тем не менее и для нее, как для любой науки, определяющим является дух исследования, интеллектуального поиска. В этом плане появление исторической науки у греков тоже предстает одним из проявлений греческого рационализма. Однако складывалась она в контексте такой ситуации, когда, напомним, наряду с рационалистической традицией существовала и достаточно мощная мистическая, чего тоже нельзя не учитывать.

Рационалистическая традиция имеет своим предтечей Фалеса, а основоположником – Анаксимандра⁷. Что же касается традиции мистической, то среди писателей VI в. до н. э. самым ярким ее представителем для нас выступает Ферекид Сиросский (не следует путать его с Ферекидом Афинским, упоминавшимся выше; последний писал примерно на век позже). Подчеркнем – для нас, и это связано со спецификой сохранности источникового материала. Просто от других мистиков данного столетия, в частности от орфиков (как от

---

⁷ В связи со значением фигуры Анаксимандра см. [Поппер 1987, с. 564–570; Хайдеггер 1991, с. 28 и сл.].

того же Ономакрита), до нас практически ничего не дошло. Сиросец орфиком в строгом смысле слова вроде бы не являлся; во всяком случае, его так не характеризуют, и нейтральнее будет называть его мыслителем, близким к орфизму.

Из ранних же историков ближе всего к этой линии древнейший – Акусилай Аргосский. По всей видимости, только у него – единственного из интересующей нас группы – трактат начинался информацией по теогонии, которая в условиях эллинской религии обязательно была фактически теокосмогонией. Эту последнюю очень любили орфики, предлагая на данной ниве разного рода неортодоксальные версии мифов, серьезно отличающиеся от традиционных, как они были запечатлены Гесиодом. А как в этом отношении обстоит дело с Акусилаем? Имеет смысл рассмотреть некоторые из его соответствующих фрагментов.

Acusil. FGrHist. 2. F5 = Philodem. De piet. 137. 5, p. 61 Gomperz: «У некоторых говорится, что все – от Ночи и Тартара, у некоторых же – что от Аида и Эфира. А тот, кто написал “Титаномахию”⁸, говорит, что от Эфира. Акусилай же – что от первого Хаоса все остальное. А в сочинениях, приписывающихся Мусею⁹, написано о первом Тартаре, Ночи и...» На этом месте связный текст обрывается: фрагмент дошел через посредство философа-эпикурейца Филодема Гадарского (I в. до н. э.), чьи труды сохранились на папирусах, открытых в Геркулануме, причем многие – в плохом состоянии.

Тут перед нами как раз теокосмогоническая информация. Из нее видно, что первоначалом бытия Акусилай считал Хаос, и в данном отношении его представления совпадали с традиционными, отразившимися в «Теогонии» Гесиода. Однако по ряду вопросов аргосский историк высказывал и мнения, отличные от взглядов беотийского аэда, как увидим далее.

Acusil. FGrHist. 2. F6b = Damasc. De princip. 124 (I. 320 Ruelle): «А Гесиод, мне кажется, повествуя, что первым появился Хаос... первой выводит из него Гею... Акусилай же, кажется мне, полагает в основание Хаос как первое начало, будто бы совершенно непознаваемое. А после одного начала он называет два: Эреб как мужское начало, Ночь же – как женское, под ней подразумевая бес-

---

⁸«Титаномахия» – киклическая поэма периода ранней архаики, автором которой называли либо Евмела Коринфского, либо Арктина Милетского.

⁹Мусей – полумифический эпический поэт, считавшийся одним из предшественников Гомера. Приписывавшиеся ему сочинения, естественно, подложны.

предельность, а под ним – предел. От смешения этих двух, говорит он, появились Эфир, Эрот и Метида. Эти трое – умопостигаемые сущности: Эфир он делает верхней, Эрота – средней, из-за природной срединности Эрота, а третьей – Метиду, согласно ему, представляющую собой уже весьма почитаемый разум. А кроме них он выводит от тех же начал и большое число других богов, согласно исследованию Евдема¹⁰».

Легко заметить, что по сравнению с гесиодовскими рассуждения Акусилая становятся более рефлексированными, более рационалистическими и, можно сказать, протофилософскими (хотя философией в строгом смысле слова это назвать еще нельзя). Как раз из фрагментов такого вот рода и создается впечатление, что Акусилая, возможно, имел какое-то отношение к орфизму, который как раз во времена его жизни и творчества возник и сразу же развился в довольно стройное учение.

Acusil. FGrHist. 2. F6c = Schol. Theocr. Idyll. 13. 1–2c, p. 258, 8 Wendel: «Есть разногласие, чьим сыном следует считать¹¹ Эрота. Ведь Гесиод говорит, что он – сын Хаоса и Геи; Симонид¹² – что Ареса и Афродиты; Акусилая – что Ночи и Эфира; Алкей – что Ириды¹³ и Зефира; Сапфо – что Афродиты¹⁴ и Урана; а другие говорят иначе». Здесь также указывается на разногласие между Акусилаем и Гесиодом.

Можно было бы привести и другие пассажи того же автора, посвященные теогонии, но, думается, это будет уже избыточным: ничего принципиально нового они уже не дадут (в любом случае отсылаем к нашему полному переводу сохранившегося наследия Акусилая [Суриков 2020б, с. 171–192]). Как в целом можно охарактеризовать теогонические представления первого историка? Здесь перед нами, конечно, немало неясностей: и релевантных фрагментов не так уж и много, и не все они в должной мере выразительны и рельефны. Во всяком случае, впечатление создается такое, что в каких-то отношениях Акусилая следовал за Гесиодом, а в каких-то явно отклонялся от него, будучи, похоже, ближе к таким авторам-мистикам, как Ферекид Сиросский.

¹⁰ Видимо, имеется в виду Евдем Паросский – тоже один из древнейших греческих историков, перечисляемых Дионисием Галикарнасским.

¹¹ «Следует считать» – конъектура Виламовица.

¹² Симонид Кеосский – крупнейший лирик рубежа архаической и классической эпох.

¹³ Поправка издателей, в тексте схолий «Эриды».

¹⁴ По другим сведениям, здесь должна стоять Гея; поэтому Виламовиц предлагает добавить «или Геи».

Как бы то ни было, проявившаяся у Акусила тенденция включать в историко-мифографическое повествование теогоническую часть в дальнейшем не получила распространения. От таковой части отказался Гекатей, и она также отсутствовала, вопреки Якоби, и в сочинении Ферекида Афинского. А fortiori это можно утверждать о следующем (и последнем) представителе жанра мифографической истории – Гелланике.

В том, что эволюция историописания имела именно такую направленность, нам видится, помимо прочего, и влияние ранней ионийской науки с ее рационализмом. У милетских и иных «физиков» космогонические концепции приобрели совершенно иной характер, резко отличающий их от традиционных. Космогонии перестали быть теогониями, их создатели решительно оторвались от мифов, из них полностью исчезли боги, на смену которым пришли пресловутые «стихии».

Переходный этап представляют собой воззрения Фалеса, у которого, с одной стороны, все полно богов, а с другой – первоначалом мироздания является абстрактная вода, а не бог Океан. Да и в традиционно-мифологическом антропоморфном характере этих самых богов, которыми у Фалеса полон мир, позволительно усомниться. Приведем хотя бы следующее свидетельство (Thal. DK. 11. A23), существующее в двух формулировках: «Фалес полагает, что бог – это ум космоса, а Вселенная одушевлена и одновременно полна божеств; элементарную влагу пронизывает божественная сила, приводящая воду в движение»; «Фалес Милетский, который первым исследовал подобные (теологические. – И. С.) вопросы, считал воду началом всех вещей, а бога – тем умом, который все создал из воды». Ясно ведь, что под «богом» здесь имеется в виду не какой-нибудь Зевс или Посейдон, а бог-принцип, бог-«ум» (νοῦς, а во второй формулировке – nous, поскольку она принадлежит Цицерону), заставляющий вспомнить о позднейшем учении Анаксагора, в котором эта идея получила более полное развитие.

У ученика Фалеса – Анаксимандра – появляется знаменитый «апейрон», к богам уже не имеющий никакого отношения. Итак, боги ушли из научно-философской космогонии – и, соответственно, ушли они также из истории как мифографии.

Далее, одной из самых характерных черт ранней ионийской науки являлся интенсивный интерес к географии. Первый географ у греков – тот же Анаксимандр, положивший начало традиции составления географических карт. В данном плане Гекатей, крупнейший из позднеархаических историков, стал его наиболее прямым наследником, как увидим из свидетельств, которые будут приведены чуть ниже. А в дальнейшем продолжателем той же линии

выступил, помимо прочих, и Геродот, у которого географические экскурсии весьма многочисленны.

В последнее время все чаще подчеркивается¹⁵, что Геродота следует рассматривать не столько в контексте ранней ионийской науки, развивавшейся в предшествующее ему время, сколько в контексте современного ему софистического движения, которое оказало на него большее влияние (Р. Томас особо выделяет вклад иатрософистов, об идеях которых мы имеем определенное представление, поскольку некоторые их труды попали в «Гиппократов сборник»).

Подобный подход в ряде отношений, конечно, представляется верным. Софистов Геродот знал (как авторов, мыслителей, а с Протагором уж точно был знаком и лично, поскольку оба участвовали в основании Фурий), и отрицать их воздействие на него невозможно. В частности, весьма велика вероятность того, что известная троичная классификация политических систем (монархия, олигархия, демократия), содержащаяся в «дебатах трех персов» (Herod. III. 80–82), была не изобретена самим Геродотом, а взята им у кого-то из софистов – скорее всего именно у Протагора. Кстати, Геродот ведь является самым ранним автором, у которого зафиксирована лексема «демократия». Означает ли это, что он ее и придумал? Маловероятно. Если бы сохранились трактаты софистов, того же Протагора, практически несомненно, что это слово в них встретилось бы¹⁶.

Однако влияние софистов на Геродота все-таки следует признать ограниченным. Софистический релятивизм галикарнасцу в некоторых отношениях не чужд (см. прежде всего Herod. III. 38, но, кстати, с апелляцией, что характерно, к Пиндару, а не к кому-либо из софистов). Но у него он ни в коей мере не распространяется на религиозные взгляды. Геродот – представитель традиционного благочестия, во взглядах на богов ему был куда ближе Софокл. Если «отец истории» читал нашумевший труд Протагора «О богах», то вряд ли он ему понравился. Также не повлияла на Геродота существенным образом софистическая риторика.

Да и в целом неконструктивным представляется отрывать его от позднеархаической ионийской традиции (верность ей видна у него даже и в том, что он, уроженец дорийского Галикарнасса, взял языком своего сочинения ионийский диалект, в то время как софисты в большинстве своем писали на аттическом), от линии, восходящей

---

¹⁵ В наибольшей степени – в этапном труде [Thomas 2000].

¹⁶ О вкладе Протагора в демократическую политическую теорию см.: [Farrar 1994].

к Анаксимандру и продолженной Гекатеем. А одной из принципиальных особенностей этой линии являлась, повторим, вящая склонность к географическим (и этнографическим) штудиям.

Склонность эта в группе древнейших историков в наибольшей степени проявилась, разумеется, у Гекатея, который был не только одним из первых историков, но и одним из первых географов. Подчеркнем, не самым первым: таковым все-таки следует признать его земляка Анаксимандра Милетского, который составил наиболее раннюю у эллинов географическую карту, а Гекатей тут шел уже по его стопам. Приведем в связи с этим несколько свидетельств источников.

Strab. I. 1. 1: «Мы считаем, что это занятие достойное философа – если уж какое-либо другое, то и география... Ведь и первыми дерзнувшими ее коснуться стали люди такого рода: и Гомер, и Анаксимандр Милетский, и Гекатей, его согражданин».

Strab. I. 1. 11: «А теперь пусть будет достаточно сказанного о том, что Гомер основал географию. Известны и мужи, последовавшие за ним, достойные упоминания и причастные философии; из них Эратосфен называет первыми после Гомера двух – Анаксимандра, являвшегося приятелем и согражданином Фалеса, и Гекатея Милетского: один из них ведь первым-де издал географическую карту, а Гекатей оставил сочинение, свидетельство подлинности которого берется из других его писаний».

Agathem. I. 1¹⁷: «Анаксимандр Милетский, слушатель Фалеса, первым дерзнул начертить на карте ойкумену. После него Гекатей Милетский, муж, много путешествовавший, так ее усовершенствовал, что плодом его труда восхищались».

Schol. Dion. Perieg.¹⁸ p. 428, 7 Muell.: «Кто прежде того изобразил на карте ойкумену? Первым – Анаксимандр, вторым – милетянин Гекатей, третьим – Демокрит, ученик Фалеса¹⁹, четвертым – Евдокс²⁰».

Равным образом не являлся Гекатей, как мы видели, и самым первым историком. Итак, ни в архаической исторической науке, ни в архаической географической науке у Гекатея Милетского нет абсолютного хронологического приоритета. Но есть, так сказать,

¹⁷ Агафемер – второстепенный греческий географ римского времени.

¹⁸ Дионисий Периегет, или Дионисий Александрийский (II в. н. э.), автор одной из самых значимых античных периегез ойкумены.

¹⁹ Фалес здесь упомянут явно некстати. Если имеется в виду Демокрит Абдерский (а хронологическая последовательность перечисленных в свидетельстве авторов говорит именно об этом), то он был учеником Левкиппа, а Фалес жил гораздо раньше.

²⁰ Евдокс Книдский, разносторонний ученый IV в. до н. э.

приоритет качества. В обеих этих сферах Гекатей был среди своих современников фигурой хотя и не самой первой, но, повторим, самой крупной.

Из двух сочинений Гекатея одно по тематике является историческим (точнее, историко-мифографическим), другое – географическим и этнографическим (Геродота нередко называют не только «отцом истории», но и «отцом этнографии», но, сохранись полностью наследие Гекатея, не исключено, что и этот «титул» перешел бы к нему). Первое у цитирующих его писателей иногда и фигурирует под заголовком «Истории» (именно так, во множественном числе), что в терминологии тогдашней ионийской науки должно означать «исследования, расследования»²¹. Передаются, впрочем, и другие варианты названия – «Генеалогия», «Героология».

Второй же трактат назывался «Описание Земли» (реже на него ссылаются как на «Очерк земли»). В оригинале употреблена лексема *περιήγησις*; иными словами, труд принадлежит к жанру периегезы, получившему впоследствии столь значительное распространение²², и, более того, является исторически первым образчиком этого жанра. Хотя от этого сочинения в нашем распоряжении имеются только фрагменты, но их достаточно много – более трехсот, и среди них есть весьма интересные и информативные.

«Описание Земли» состояло из двух книг – «Европа» и «Азия». Дело в том, что Ливию (Африку) Гекатей, судя по всему, еще не выделял в отдельную часть света (как делал позже Геродот), а воспринимал ее как часть Азии. Не приходится сомневаться в том, что данный труд Гекатея сопровождался той самой составленной им картой, о которой упоминалось выше. Кстати, Геродот об этой карте отзывался так: «А я смеюсь, смотря на тех, кто написал очерки земли – их уже много, и ни один ничего вразумительно не объяснил: они пишут, что Океан течет вокруг земли, которая является

²¹ Неосновательно мнение [Nikolaidou-Arabatzi 2018, p. 224], будто ранее Геродота существительное «история» (*ἱστορία, ἱστορίη*) вообще не встречается в памятниках древнегреческого языка.

²² Хорошо известна периегега Павсания (о которой см., например: [Frateantonio 2009]). Это поздний памятник, датирующийся временем римского владычества. Более ранней, относящейся к началу эпохи эллинизма, была весьма интересная периегега Гераклида Критика «О городах в Элладе», к большому сожалению, сохранившаяся лишь фрагментарно (фундаментальное исследование об этом малоизвестном источнике: [Arenz 2006]). Но данные периегезы имели региональный характер, а труд Гекатея, о котором идет речь, охватывал всю известную ему ойкумену.

круглой, как бы очерченной циркулем, и делают Азию равной по размеру Европе» (Herod. IV. 36).

Сам Геродот считал, что Европа гораздо больше Азии. Но тут дело, видимо, как раз в том, что он уже не включал в Азию Ливию. Кроме того, Гекатей верил в существование «мировой реки» Океана, извне окружающей сушу, разделенную на Европу и Азию. Более того, в его понимании, некоторые из реальных рек (например, Нил и Фасис) связывают этот Океан со средиземноморским бассейном. Это концепция, характерная для архаической географической мысли, как хорошо показал в своих работах²³ А.В. Подосинов. Геродот же принадлежит уже к иной эпохе и во многом к иной географической традиции. Потому-то для него гекатеевская теория оказывается смехотворной (ср. также: Herod. II. 19–23).

«Описание Земли» Гекатея, как видно из всего, что о нем известно, в очень значительной части представляло собой описание Средиземноморья, осуществленное, употребляя современное выражение, «по часовой стрелке»: автор шел вдоль его побережий, начиная от Испании и заканчивая Северной Африкой. Это и не удивительно, поскольку в тогдашних географических представлениях греков вся ойкумена как бы группировалась вокруг Средиземного моря – ее «сердцевины»; такая ситуация была отражена и на картах Анаксимандра и Гекатея. Справедливо суждение: «С самого начала греческая *география* в равной мере представляла собой и *талассографию*» [Janni 2016, p. 21]. Так, отдаленные от моря восточные регионы Персидской державы получили в труде, судя по всему, лишь весьма скудное и смутное освещение.

Иными словами, перипезу Гекатея с тем же успехом можно назвать и периплом²⁴. Два названных жанра вообще были в античности настолько тесно связаны друг с другом, что подчас трудно провести между ними разграничительную линию, и линия эта, во всяком случае, является достаточно условной [Суриков 2020в].

Примерно тогда же, когда и «Описание Земли» (т. е. в последней четверти VI в. до н. э.), было создано и еще одно сочинение в весьма схожем духе – перипл Скилака Кариандского, тоже, кстати, грека, являвшегося персидским подданным (как и Гекатей). Между этими двумя памятниками явно имелись черты значительной близости. Скилак, как и Гекатей, упоминается уже Геродотом (Herod. IV. 44). Он тоже являлся достаточно известным представителем раннегреческой исторической и географиче-

---

²³ Итоговой из которых является [Подосинов 2015].

²⁴ О формировании и развитии жанра перипла см. [González Ponce 1998].

ской науки. Но о его сочинении мы имеем лишь крайне смутное представление.

Дело в том, что дошедший до нас перипл, связывавшийся в античности обычно с именем Скилака, а ныне фигурирующий в изданиях как «перипл Псевдо-Скилака» [Shipley 2011], в действительности относится к IV в. до н. э.; кто на самом деле подготовил этот текст – неизвестно. В него, весьма возможно, вошли (пусть даже в виде, в той или иной степени измененном) «куски» из подлинного сочинения Скилака. В любом случае, Скилак был авторитетом, и не удивительно, что кто-то поставил его имя под своим трудом. В античности подобный «плагиат наоборот» относился к достаточно распространенным явлениям.

Как бы то ни было, этот памятник не принадлежит к ранним. А от подлинного перипла Скилака дошло лишь незначительное количество фрагментов, причем те из них, в которых говорится о Средиземноморье, как правило, малоинформативны. А от «Описания Земли» Гекатея, как говорилось и выше, число сохранившихся фрагментов весьма обильно. Из всего можно заключить, что историко-географический трактат Гекатея Милетского являлся исключительно ценным источником по Средиземноморью конца архаической эпохи. Собственно, это и не удивительно, учитывая, сколь высоко оценивается Гекатей как античный автор, а также принимая во внимание, что перед нами, повторим, самая первая переигеза.

Те историки первых поколений, которые писали после Гекатея, достаточно четко делятся на две группы, представленные соответственно теми, кто, подобно ему, испытывал специальный интерес не только к истории, но и к географии, и теми, кто такого интереса не испытывал. Ко второй группе относятся, в частности, Ферекид Афинский (ср. полную географическую неразбериху в его рассказе о путешествии Геракла за золотыми яблоками Гесперид: Pheres. FGGrHist. 3. F17), да и Гелланик (хотя он занимался хорографией, но эту последнюю не следует отождествлять с географией). Что же касается первой группы, к ней можно причислить Харона Лампсакского и Дамаста Сигейского. Эта линия находит завершение в Геродоте, у которого налицо полноценное взаимопроникновение истории и географии [Bichler 2001].

Благодарность

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках исследовательского проекта 19-09-00022.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-09-00022.

Литература

- Бердяев 1991 – *Бердяев Н.А.* Самопознание: (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. 446 с.
- Видадь-Накэ 2001 – *Видадь-Накэ П.* Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М.: Ладомир, 2001. 419 с.
- Доватур 1957 – *Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. 202 с.
- Подосинов 2015 – *Подосинов А.В.* Куда плывал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. М.: Языки славянской культуры, 2015. 200 с.
- Поппер 1987 – *Поппер К.Р.* Логика и рост научного знания: Избранные работы. М.: Прогресс, 1987. 608 с.
- Суриков 2012 – *Суриков И.Е.* Полис, логос, космос: мир глазами эллина: Категории древнегреческой культуры. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 304 с.
- Суриков 2019 – *Суриков И.Е.* Демонология Ферекида Афинского: (к вопросу о фольклорных элементах в сочинениях древнейших греческих историков) // In Umbra: демонология как семиотическая система: Альманах. Вып. 8 / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2019. С. 74–105.
- Суриков 2020а – *Суриков И.Е.* Древнегреческая география как феномен культуры: некоторые замечания // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 3. С. 10–26.
- Суриков 2020б – Три ранних историка: Акусилай Аргосский, Харон Лампсакский, Дамаст Сигейский / Пер. с древнегреч. и коммент. И.Е. Сурикова // Аристей. 2020. Т. 22. С. 166–2011.
- Суриков 2020в – *Суриков И.Е.* Сочинение Псевдо-Скимна в контексте античных греческих жанров перипла и периегезы // Херсонесский сборник. 2020. Вып. 21. С. 216–226.
- Хайдеггер 1991 – *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества. М.: Высшая школа, 1991. 192 с.
- Шичалин 2000 – *Шичалин Ю.А.* История античного платонизма в институциональном аспекте. М.: Греко-латинский кабинет, 2000. 448 с.
- Arenz 2006 – *Arenz A.* Herakleides Kritikos “Über die Städte in Hellas”: Eine Periegesis Griechenlands am Vorabend des Chremonideischen Krieges. München: Herbert Utz Verlag, 2006. 276 S.

- Bichler 2001 – *Bichler R.* Herodots Welt: Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte. Berlin: Akademie Verlag, 2001. 425 S.
- Dodds 1951 – *Dodds E.R.* The Greeks and the Irrational. Berkeley: University of California Press, 1951. 327 p.
- Farrar 1994 – *Farrar C.* The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 301 p.
- Fowler 2007 – *Fowler R.L.* Early Greek Mythography. I. Texts. Oxford: Oxford University Press, 2007. 459 p.
- Fowler 2013 – *Fowler R.L.* Early Greek Mythography. II. Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2013. 825 p.
- Frateantonio 2009 – *Frateantonio C.* Religion und Städtekonkurrenz: Zum politischen und kulturellen Kontext von Pausanias' *Periegesis*. Berlin; New York: De Gruyter, 2009. 295 S.
- Gehrke 2014 – *Gehrke H.-J.* Geschichte als Element antiker Kultur: Die Griechen und ihre Geschichte(n). Berlin; Boston: De Gruyter, 2014. 150 S.
- González Ponce 1998 – *González Ponce F.J.* El corpus periplográfico griego y sus integrantes más antiguos: épocas arcaica y clásica // Los límites de la tierra: El espacio geográfico en las culturas Mediterráneas / Ed. by A. Pérez Jiménez, G. Cruz Andreotti. Madrid: Ediciones clásicas, 1998. P. 41–75.
- Jacoby 1995 – *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Tl. 1: Genealogie und Mythographie. A. Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz. Leiden; New York; Köln: Brill, 1995. 313 S.
- Janni 2016 – *Janni P.* The Sea of the Greeks and Romans // Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition / Ed. by S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke. Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 21–42.
- Lendle 1992 – *Lendle O.* Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1992. 311 S.
- Luce 1997 – *Luce T.J.* The Greek Historians. London; New York: Routledge, 1997. 122 p.
- Matijašić 2018 – *Matijašić I.* Shaping the Canons of Ancient Greek Historiography. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. 293 p.
- Momigliano 1990 – *Momigliano A.* The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley: University of California Press, 1990. 162 p.
- Nikolaïdou-Arabatzi 2018 – *Nikolaïdou-Arabatzi S.* ἰστορέειν and θωμάζειν: Scientific Terms and Signs of Unity in Herodotus' Histories // Herodotus – Narrator, Scientist, Historian / Ed. by E. Bowie. Berlin; Boston: Brill, 2018. P. 223–241.
- Nilsson 1951 – *Nilsson M.P.* Cults, Myths, Oracles, and Politics in Ancient Greece. Lund: Gleerup, 1951. 179 p.
- Pearson 1975 – *Pearson L.* Early Ionian Historians. Westport: Greenwood Press, 1975. 240 p.
- Pitcher 2009 – *Pitcher L.* Writing Ancient History: An Introduction to Classical Historiography. London; New York: I.B. Tauris, 2009. 275 p.

- Scanlon 2015 – *Scanlon T.F.* Greek Historiography. Oxford: Wiley Blackwell, 2015. 333 p.
- Shipley 2011 – *Shipley G.* Pseudo-Skylax's *Periplus*: The Circumnavigation of the Inhabited World. Text, Translation and Commentary. Bristol: Phoenix Press, 2011. 244 p.
- Starr 1962 – *Starr C.G.* The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C. London: Cape, 1962. 385 p.
- Thomas 2000 – *Thomas R.* Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 321 p.

References

- Arenz, A. (2006), *Herakleides Kritikos "Über die Städte in Hellas": Eine Periegesis Griechenlands am Vorabend des Chremonideischen Krieges*, Herbert Utz Verlag, München, Germany.
- Berdyayev, N.A. (1991), *Samopoznanie (Opyt filosofskoy avtobiografii)* [Self-knowledge (An essay of a philosophical autobiography)]. Kniga, Moscow, Russia.
- Bichler, R. (2001), *Herodots Welt: Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte*, Akademie Verlag, Berlin, Germany.
- Dodds, E.R. (1951), *The Greeks and the Irrational*. University of California Press, Berkeley, Cal., USA.
- Dovatur, A.I. (1957), *Povestvovatel'nyy i nauchnyy stil' Gerodota* [Narrative and scientific style of Herodotus]. Leningrad University Press, Leningrad, USSR.
- Farrar, C. (1994), *The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Fowler, R.L. (2007), *Early Greek Mythography. I.* Texts. Oxford University Press, Oxford, UK.
- Fowler, R.L. (2013), *Early Greek Mythography. II. Commentary*. Oxford University Press, Oxford, UK.
- Frataantonio, C. (2009), *Religion und Städtekonzurrenz: Zum politischen und kulturellen Kontext von Pausanias' Periegesis*, De Gruyter, Berlin, Germany; Boston, Mass., USA.
- Gehrke, H.-J. (2014), *Geschichte als Element antiker Kultur: Die Griechen und ihre Geschichte(n)*. De Gruyter, Berlin, Germany; Boston, Mass., USA.
- González Ponce, F.J. (1998), "El corpus periplográfico griego y sus integrantes más antiguos: épocas arcaica y clásica" in Pérez Jiménez, A., Cruz Andreotti, G. (eds.), *Los límites de la tierra: El espacio geográfico en las culturas Mediterráneas*, Ediciones clásicas, Madrid, Spain, pp. 41–75.
- Heidegger, M. (1991), *Razgovor na proselochnoy doroge: Izbrannyye stat'i pozdnego perioda tvorchestva* [A talk on a country road: Selected articles of the late period of work]. Vysshaya shkola, Moscow, Russia.

- Jacoby, F. (1995), *Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Tl. 1: Genealogie und Mythographie. A. Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz*. Brill, Leiden, Netherlands; New York, N.Y.; Köln, Germany.
- Janni, P. (2016), “The Sea of the Greeks and Romans”, in Bianchetti, S., Cataudella, M.R., Gehrke, H.-J. (eds.), *Brill’s Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition*, Brill, Leiden, Netherlands; Boston, Mass., USA, pp. 21–42.
- Lendle, O. (1992), *Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos*. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, Germany.
- Luce, T.J. (1997), *The Greek Historians*. Routledge, London, UK; New York, USA.
- Matijašić I. (2018), *Shaping the Canons of Ancient Greek Historiography*. De Gruyter, Berlin, Germany; Boston, Mass., USA.
- Momigliano, A. (1990), *The Classical Foundations of Modern Historiography*. University of California Press, Berkeley, Cal., USA.
- Nikolaïdou-Arabatzi, S. (2018), “ἱστορέειν and θωμόζειν: Scientific Terms and Signs of Unity in Herodotus’ Histories”, in Bowie, E. (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. De Gruyter, Berlin, Germany; Boston, Mass., USA, pp. 223–241.
- Nilsson, M.P. (1951), *Cults, Myths, Oracles, and Politics in Ancient Greece*. Gleerup, Lund, Sweden.
- Pearson, L. (1975), *Early Ionian Historians*. Greenwood Press, Westport, Connecticut, USA.
- Pitcher, L. (2009), *Writing Ancient History: An Introduction to Classical Historiography*. I.B. Tauris, London, UK; New York, USA.
- Podosinov, A.V. (2015), *Kuda plaval Odissey? O geograficheskikh predstavleniyakh grekov arkhaiskoy epokhi* [Where did Odysseus sail? On geographical notions of Greeks of the Archaic Period]. Yazyki slavyanskoy kul’tury, Moscow, Russia.
- Popper, K.R. (1987), *Logika i rost nauchnogo znaniya: Izbrannye raboty* [Logic and growth of scientific knowledge: Selected works]. Progress, Moscow, USSR.
- Scanlon, T.F. (2015), *Greek Historiography*. Wiley Blackwell, Oxford, UK.
- Shichalin, Yu.A. (2000), *Istoriya antichnogo platonizma v institutsional’nom aspekte* [The history of ancient Platonism in the institutional aspect]. Greko-latinskii kabinet, Moscow, Russia.
- Shipley, G. (2011), *Pseudo-Skylax’s Periplus: The Circumnavigation of the Inhabited World. Text, Translation and Commentary*. Phoenix Press, Bristol, UK.
- Starr, C.G. (1962), *The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C*. Cape, London, UK.
- Surikov, I.E. (2012), *Polis, logos, kosmos: mir glazami ellina. Kategorii drevnegrecheskoy kul’tury* [Polis, logos, cosmos. The world through the Hellene’s Eyes. Categories of Ancient Greek Culture]. Russkii fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia.
- Surikov, I.E. (2019), “Pherecydes of Athens’ demonology (towards the issue of folklore elements in the works of the earliest Greek historians)”, in Antonov, D.I. and Khristoforova, O.B. (eds), *In Umbra: Demonology as a semiotic system*, no. 8, RGGU, Moscow, Russia, pp. 74–195.

- Surikov, I.E. (2020a), "Ancient Greek geography as a phenomenon of culture. Several considerations", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 3, pp. 10–26.
- Surikov, I.E. (transl. from Greek and comment.) (2020b), "Three early historians: Acusilaus of Argos, Charon of Lampsacus, Damastes of Sigeum", *Aristeas*, vol. 22, pp. 166–211.
- Surikov, I.E. (2020c), "The work of Pseudo-Scymnus in the context of Ancient Greek genres of *periplus* and *periegesis*", *Khersonesskiy sbornik*, vol. 21, pp. 216–226.
- Thomas, R. (2000), *Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Vidal-Naquet, P. (2001), *Chernyi okhotnik: Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire* [The black hunter: Forms of thought and forms of society in the Greek world]. Ladomir, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Игорь Е. Суриков, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский просп., д. 32а;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; isurikov@mail.ru

Information about the author

Igor E. Surikov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninskii Av., Moscow, Russia, 119334;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; isurikov@mail.ru